

/ А. Дударева. – М. : РИП–холдинг, 2002. – 222 с.

5. Клецина И. С. От психологии нола – к гендерным исследованиям в психологии [Текст] / И. С. Клецина // Вопросы психологии. – М., 2003. – Х21. – С. 61–78.

6. Коннелл Р. Маскулинность и глобализация [Текст] // Введение в гендерные исследования. Часть 2 : учебное пособие / под ред. С. Жеребкина. – Харьков : ХЦГИ, 2001; СПб. : Алетей, 2001. – Ч. 2. – С. 851–880.

7. Левинсон А. Женщина как цель и средство в отечественной рекламе [Текст] / А. Левинсон // Женщина и визуальные знаки. – М. : Идея–Пресс, 2000. – С. 43–64.

8. Максимова О. Б. Гендерное измерение в современном социально–коммуникативном дискурсе: роль рекламы [Текст] // Вестник РУДН, серия Социология. – 2004 – № 6–7 – С. 246–254.

9. Мальцева И. О. Гендерная сегрегация и мобильность на российском рынке труда [Текст] / И. О. Мальцева, С. Ю. Рошин. – М. : Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006. – 296 с.

10. Российский гендерный порядок: социологический подход [Текст] / Е. Здравомыслова, А. Темкина. – СПб. : Изд–во Европейского университета в Санкт–Петербурге, 2007. – 306 с.

11. Суковатая В. А. Гендерный анализ рекламы [Текст] / В. А. Суковатая // Социология: теория, методы, маркетинг. – Киев, 2002. – № 2. – С. 176–182.

12. Томская М. В. Гендерный аспект рекламы (на материале социальных рекламных текстов) [Текст] // Общество и гендер. Материалы Летней школы в Рязани 1–12 июля 2003 года. – Рязань: Издательство “Поверенный”, 2003. – С. 32–39.

13. Усманова А. Гендерная проблематика в парадигме культурных исследований [Текст] / А. Усманова // Введение в гендерные исследования. Ч. 1 : Учебное пособие / под редакцией И. А. Жеребкиной. – Харьков : ХЦГИ, 2001; СПб. : Алетей, 2001. – С. 57–63.

14. Федотова Л. Н. Реклама как показатель социокультурных ценностей в гендерном социальном пространстве [Текст] / Л. Н. Федотова // Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. Москва, 24–28 мая 2005. – М. : “Современные тетради”, 2005. – Т. 5. – С. 525–526.

15. Юрчак А. По следам женского образа // Женщина и визуальные знаки / под ред. А. Альчук. – М. : Идея–Пресс, 2000. – С. 65–78.

16. Яковлева М. Динамика образов “мужественности” и “женственности” в XX веке и ее визуализация в костюме [Текст] / М. Яковлева // Материалы III межвузовской конференции молодых исследователей “Гендерные отношения в российском обществе” / отв. ред. Т. А. Мелешко, М. В. Рабжаева. – СПб. : Алетей, 2004. – С. 142–150.

References

1. Barchunova T. V. Egoistichnyi gender, ili Vosproizvodstvo gendernoy assimetrii v gendernich issledovaniyakh // Obschestvennie nauki i sovremennost. – 2002. – № 5. – С. 180–192.

2. Genderne ravenstvo v sovremennom mire. Rol nazionalnich mekhanizmov. – Moscow, 2008. – 772 s.

3. Groschev I. V. Reclamnie tehnologii gendera // ONC. – 2004. – № 4. – С. 172–187.

4. Dudareva A. Reclamniy obraz. Muzchina i zhenschina. – Moscow, 2002. – 222 s.

5. Klezina I. S. Ot psikhologii pola – k gendernim issledovaniyam v psikhologii // Voprosi psikhologii. – Moscow, 2003. – С. 61–78.

6. Connell R. Maskulinnost i globalizazija // Vvedenie v gendernie issledovaniya. – Kharkov, 2001; Sankt–Peterburg, 2001. – С. 851–880.

7. Levinson A. Zhenschina kak zel i sredstvo v otechesvennoy reclame // Zhenschina i vizualnie znaki. – Moscow, 2000. – С. 43–64.

8. Maksimova O. B. Gendernoe izmerenie v sovremennom sozialno–kommunikativnom discurse // Vestnik RUDN. – 2004. – № 6–7. – С. 246–254.

9. Malzeva I. O. Gendernaja segregazija i mobilnost na rossiyskom rinke truda. – Moscow, 2006. – 296 s.

10. Rossiyskiy genderniy porjadok: soziologicheskiy podchod. – Sankt–Peterburg, 2007. – 306 s.

11. Sukovataja V. A. Genderniy analiz reklami // Soziologija: teorija, metodi, marketing. – Kyiv, 2002. – № 2. – С. 176–182.

12. Tomskaja M. V. Genderniy aspekt reklami (na materiale sozialnich reklamnich tekstov) // Ovschestwo i gender. Materiali letney shkoly v Rjazani 1–12 ijulja 2003 goda. – Rjazan, 2003. – С. 32–39.

13. Usmanova A. Gendernaja problematika v peredigme

kulturnich issledovaniy. – Kharkov, 2001; Sankt–Peterburg, 2001. – С. 57–63.

14. Fedotova L. N. Reklama kak pokazatel soziokulturnich zennostey v gendernom sozialnom prostranstve // Filosofija i buduschee zivilizazii. – Moscow, 2005. – Т. 5. – С. 525–526.

15. Jurchak A. Po sledam zhenskogo obraza // Zhenschina i vizualnie znaki. – Moscow, 2000. – С. 65–78.

16. Jakovleva M. Dinamika obrazov “muzhestvennosti” i “zhenstvennosti” v XX veke i jeje vizualizazija v kostjume // Materiali III mezhevuzovskoy konferenzii molodich issledovateley “Gendernije otnosheniya v rossiyskom obschestve”. – Sankt–Peterburg, 2004. – С. 142–150.

Kubko V. P., candidate of philosophical Sciences, associate Professor of the Department of documentation and information activities of the Odessa National Polytechnic University (Ukraine, Odessa), kubko_valentina@ukr.net

The gender stereotyping of advertising communication

This paper analyzes the representation of gender advertising images and their dynamics in a system of value priorities of society.

Objective: The purpose is to study the change characteristics of the gender images as representatives of social reality at different stages of social development. Applied methods: the method of system analysis, synthesis and descriptive.

Conclusions. Advertising can be considered to be one of the most aggressive of gender “technologies”. The privileged position in the advertising discourse is connected with the visualization of gender communication space, the growing of importance of non–verbal components in the modern mass communication strategies. The images which are presented in advertising, their symbolic meaning addresses the reader to the rituals of everyday life. The images on their own are part of the context within which the detection and identification of gender affiliation of the individual happens.

Keywords: gender, gender image, gender stereotypes, masculinity, femininity, gender asymmetry.

Кубко В. П., кандидат философских наук, доцент кафедры документо–ведения и информационной деятельности гуманитарного факультета, Одесский национальный политехнический университет (Украина, Одесса), kubko_valentina@ukr.net

Гендерная стереотипизация рекламной коммуникации

Анализируются рекламные репрезентации гендерных образов, их динамика в системе ценностных приоритетов социума.

Цель: исследование особенностей изменений гендерных образов как репрезентантов социальной действительности на разных этапах развития общества. Использованы методы: системного анализа, обобщения и описания.

Выводы. Реклама может считаться одной из наиболее агрессивных гендерных “технологий”. Привилегированная позиция рекламы в дискурсе гендера связана с визуализацией коммуникационного пространства, увеличением значения невербальной составляющей в современных стратегиях массовой коммуникации. Представленные в рекламе образы, символическое значение которых адресует читателя к ритуалам повседневности, по своей сути является частью контекста, в рамках которого происходит определение и идентификация гендерной принадлежности индивида.

Ключевые слова: гендер, гендерный образ, гендерные стереотипы, маскулинность, феминность, гендерная асимметрия.

* * *

УДК 1(09):130.3:101.1:316

Масаев М. В.

кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией факультета социокультурной деятельности и музыкального искусства, РВУЗ “Крымский университет культуры, искусств и туризма” (Украина, Симферополь), mikhail-masaev@yandex.ru

ОБРАЗЫ ВОЙН БУДУЩЕГО: “МЯТЕЖ–ВОЙНЫ”, ДИСТАНЦИОННЫЕ (БЕСКОНТАКТНЫЕ) ВОЙНЫ, КИБЕР–ВОЙНЫ, КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ (В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ ЭПОХ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ)

Рассматриваются в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций образы войн будущего: “мятеж–войны”, дистанционные (бесконтактные) войны, кибервойны, концентрированные и символические войны. Цель и актуальность данной статьи определяется тем, что в условиях, когда международное право 28 сентября 1928 г. исключило войну как способ разрешения международных противоречий (Пакт Бриана – Келлога), и это положение используется все чаще в международной практике, разрабатываются планы ведения войн без применения классических типов вооружения. Объектом

исследования являются войны. Предметом исследования являются войны будущего: “мятеж–войны”, дистанционные (бесконтактные) войны, кибервойны, концентриальные и символические войны. Автор подвергает критике нетрадиционный (“новаторский”) подход к проблеме, ставящей под сомнение концепцию войны К. фон Клаузевица. Автор утверждает, что даже в новых условиях положение К. Клаузевица о войне как продолжении политики, о войне как части политики остается в силе, и никакие модные попытки его опровержения не имеют смысла. Статья обращает внимание, что не все образы войн будущего являются абсолютно новыми – их прообразы прослеживаются с незапамятных времен. Это касается, прежде всего, символических войн.

Ключевые слова: образ, символ, войны будущего – “мятеж–войны”, дистанционные (бесконтактные) войны, кибервойны, концентриальные и символические войны.

(статья друкється мовою оригіналу)

Актуальность данной статьи определяется тем, что в условиях, когда международное право 28 сентября 1928 г. исключило войну как способ разрешения международных противоречий (Пакт Бриана – Келлога), и это положение используется все чаще в международной практике, разрабатываются планы ведения войн без применения классических типов вооружения.

Объектом исследования являются войны. **Предметом** исследования являются войны будущего: “мятеж–войны”, дистанционные (бесконтактные) войны, кибервойны, концентриальные и символические войны.

Степень **научной разработки** проблемы является все еще недостаточной. Кроме Российского института стратегических исследований (РИСИ) [1] и Института проблем международной безопасности (ИПНБ) Российской Академии наук [2], по большому счету, не решается касаться практически никто. В США проблемой занимается Институт национальных стратегических исследований (ИНСИ), Institute for National Strategic Studies (INSS) [3].

Проблема рассматривается в свете разрабатываемой нами концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов [4–6]. Под такой призмой проблеме не рассматривали ни в России, ни в США.

Цель работы – дать оценку дискуссиям о “революции в военном деле” (РВД) и представить образы войн будущего.

Для достижения этой цели автор ставит следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть следующие образы войн будущего:
 - образ “мятеж–войны”;
 - образ дистанционной (бесконтактной) войны;
 - образ кибервойны;
 - образ концентриальной войны;
 - образ символической войны.

- 2) остановившись на традиционной (“консервативной”) концепции войны, дать критику нетрадиционных (“новаторских”) концепций, показать, что подход К. фон Клаузевица к войне как продолжению политики не устарел. Образы войн будущего так же связаны с политикой, как и традиционные войны.

Начиная с М. С. Горбачева, стало модным “опровергать” К. фон Клаузевица. Идут разговоры, что “война вытесняет политику, вместо того, чтобы быть её продолжением” [1, с. 101]; возникают новые, “постклаузевицианские” стратегии [1, с. 101]; возникает якобы новый, нетрадиционный (“новаторский”) тип стратегического мышления, который “не только критикует линию Клаузевица, но и предлагает иное понимание природы войны, а вслед за этим и войн будущего” [1, с. 107; 7]. Но все эти “опровержения” имеют такую же цену и такую же цель, как и “опровержения” М. С. Горбачева. Это

заявления об “опровержении” без какого–либо опровержения. Вся их суть сводится к противопоставлению войны и политики. Но как можно “противопоставлять” целое части. Ведь война, по классическому, традиционному клаузевицианскому определению, не просто “продолжение политики”, это часть целого, имя которому политика.

Оставим досужие домыслы ниспровергателей “устаревших идей”, стремящихся доказать “научную” “новизну” своих трудов и перейдем к образам войн будущего. Сразу же оговоримся, что многие образы, кроме пожара, кибервойн, не так уж и новы – они маячили на горизонтах человеческой истории не одно тысячелетие. Вот только такого внимания как сейчас им не уделялось.

Как не привести здесь слова президента Академии военных наук России генерала армии М. Гареева об авторах “новомодных теорий”: “Рассчитанные на дезинформацию и широко пропагандируемые в СМИ суждения об исключительно бесконтактном характере вооруженной борьбы обрекают войска сил общего назначения на пассивность и бездействие (один из результатов этой дезинформации – развал вооруженных сил России при министре обороны Сердюкове, прозванном в народе “маршал Табуреткин” – М. М.)... В последнее время чуть ли не каждый день придумывают новое название войн: и сетевая, и сетецентрическая, ассиметричная, трехмерная, информационная, дистанционная, бесконтактная..., теория войн шестого поколения” [8, с. 11]. Но ни одна из них, подчеркивает М. Гареев, “не дает ответа на вопрос о характере будущей войны” [8, с. 11]. В них “наряду с некоторыми рациональными моментами много схоластики и нежизненного. Книжки о войнах шестого поколения издаются и распространяются Фондом Сороса... Клаузевиц или Свечин (царский генерал, перешедший на сторону Советской власти, крупный военный теоретик, репрессированный по инициативе М. Н. Тухачевского и реабилитированный И. В. Сталиным сразу же после расстрела М. Н. Тухачевского – М. М.) не представляли себе, как в отрыве от прошлого или того, что делается сегодня, можно рассуждать о войнах будущего. А тут – люди, не изведавшие ни одной войны, конфликта, не побывав в своей жизни ни на одном учении, вдруг объявили себя крупнейшими специалистами в области будущих войн” [8, с. 11].

Последнее замечание весьма удачно относится к “мятеж–войнам”, в которых ведущее место занимают не открытые столкновения регулярных вооруженных сил, а терроризм, использование незаконных формирований, информационно–психологических средств.

Образ “мятеж–войны” просматривается и в прямых интервенциях заинтересованных сторон, в экспорте революций, контрреволюций и мятежей, в экспорте нестабильности, в современных “миротворческих”, “гуманитарных”, “антитеррористических” и иных “специальных операциях”, в экономических санкциях, в разгуле криминалитета, во взрывах в мирных городах, в политических убийствах.

Яркий пример победоносной “мятеж–войны” – Ливия. Пример затягивающейся и далекой до победного завершения “мятеж–войны” – Сирия. Определенным кругам хотелось бы перевести “мятеж–войну” в Сирии в обычное классическое военное нападение, да вот то-

лько нашлась страна, которая не позволила совершить эту акцию нападающей стороны, а продолжающаяся “мятеж–война” никак не может решить поставленных перед ней политических задач. “Мятеж–война” остается вспомогательным средством и классической войны, и классической политики. Так есть, так было и так будет. “Мятеж–война” – вспомогательное средство и классической войны, и классической политики. Таковыми были пугачевщина в России во время русско–турецких войн, первая русская революция во время русско–японской войны, вторая и третья русские революции во время первой мировой войны. Самостоятельное значение приобрела лишь третья русская революция, приоткрывшая человечеству путь перехода от капитализма к социализму, который перекрыла горбачевская перестройка. Здесь, правда, своеобразная “мятеж–война” выполнила те задачи, которые не смогла решить вторая мировая война со стороны стран фашистского блока. Последнее показывает, что к такому образу войн будущего как “мятеж–война” надо относиться серьезно. И “с богатырских плеч”, как говорил поэт А. В. Кольцов, можно “снять голову” “не большой горой, а соломинкой”. Призраки “мятеж–войн” маячат на горизонтах человеческой истории с незапамятных времен. Иногда эти призраки спускаются на землю и вершат свое дело. В последнее время это случается всё чаще, и оставляя этот феномен без внимания нельзя. “Инновационный потенциал” концепции “мятеж–войны” состоит в том, что она верно подмечает тенденцию к стратегии непрямых действий, сочетанию действий регулярных и иррегулярных вооруженных сил. Но заменить или отодвинуть на задний план традиционные войны “мятеж–война” не может. Пример Сирии – яркое тому подтверждение.

Теория дистанционной (бесконтактной) войны родилась на фоне широкого применения США дронов (беспилотников) и высокоточного оружия на Балканах, в Ираке и, особенно, в Афганистане и сопредельных районах Пакистана. Принятая в США ещё в 1998 г. “Единая перспектива 2010” как раз и представляет собой четкую стратегическую концепцию ведения войны, где ставка делается уже не на ядерное оружие (войны пятого поколения), а на высокоточное оружие, применяемое бесконтактно. Ставка сделана на то оружие, которое на сегодняшний день наиболее разработано в США. В условиях неприменения ядерного оружия это давало бы США бесспорные преимущества.

Теоретики бесконтактной войны считают, что в условиях разрушенной экономики (Россия и большинство стран СНГ) вооруженные силы противника обречены сначала на потерю боеспособности, а затем и на полный развал. Тем более, что вооруженные силы уже почти развалены, как это было при уходе с поста министра обороны Сердюкова в России. Сторонники этой теории уверены, что подвергшаяся агрессии страна не решится воспользоваться имеющимся у неё ядерным оружием, так как такое оружие есть и у агрессора (США). Но Россия, как потенциальная жертва такой агрессии, уже выходит из состояния, в которое она вошла в результате “перестройки” и сердюковских “военных реформ”, а применение дронов не привело США к победе даже в такой войне, как афганская.

Таким образом, даже массированное и длительное применение высокоточного оружия не способно полностью сломить волю народа к сопротивлению, а успешность высокоточных ударов вовсе не означает, что фазы “контакта” не будет. Отсутствие фазы контакта после бомбардировок Югославии в 1999 г. вовсе не означало, что политические задачи войны решены. Они были решены лишь частично. Военное руководство НАТО просто боялось перехода к фазе наземных боевых действий, совершенно справедливо полагая, что успех здесь весьма и весьма маловероятен, а потери, особенно людские, могут оказаться довольно–таки чувствительными.

Тем более бесперспективным является ведение бесконтактной войны против ядерного государства. А если жертва агрессии не испугается применить ядерное оружие? Тогда бесконтактная война, рассчитанная на отсутствие людских потерь нападающей стороны, потеряет всякий смысл.

Но, как история уже показала, даже без применения ядерного и иного оружия массового поражения, сторонники бесконтактной войны явно поспешили похоронить контактные войны и переоценили возможности бесконтактных методов ведения боевых действий.

Кибервойны фактически также бесконтактны. Но существование в них не то, что они бесконтактны, а то, что совершаются они в киберпространстве. И здесь США, ушедшие далеко вперед от своих конкурентов, надеются на успех. Но на сегодняшний день разоблачения Эдварда Сноудена вызвали только раздражение у союзников США.

Конечно, международно–правовое регулирование этой сферы развито слабо и даёт США значительную свободу действий. Но моральное осуждение США уже получили, и получили они его от своих союзников. Развитие международного права и совершенствование компьютерных технологий в других странах могут серьезно подорвать преимущества США в этой сфере.

Интересным направлением нетрадиционной военной мысли является теория консциентальной войны (от латинского *conscientia* – “сознание”, “совесть”). Таким образом, консциентальная война – война на поражение сознания, война на извращение человеческой совести. Консциентальная война – это “война психологическая по форме, цивилизационная по содержанию и информационная по средствам, в которой объектом разрушения и преобразования являются ценностные установки народонаселения противника, в результате чего первичные цели заменяются вторичными, третичными и более низкими, приземного уровня, с несколько увеличивающейся вероятностью их достижения, причём эта вероятность за счёт экономических и других материальных рычагов воздействия варьируется таким образом, что достижение заменяющих целей воспринимается человеком как его благо” [9, с. 69].

Непосредственным объектом разрушения в консциентальной войне является культура противника. В этой войне ставится вопрос о разрушении цивилизации. В основе поражения в консциентальной войне лежит уничтожение человеческой способности к свободной идентификации, уничтожение системы установок в отношении того, кем человек стремится быть и в рамках какой культурно–исторической традиции. После уничтожения этой способности человеку и обществу в целом может

быть навязана извне любая идентификация [38], которая по определённым причинам необходима противнику. Эта идентификация строится на основании воображения – деятельности по порождению образов и сущностных символов. Эти сущностные символы становятся парадигмальными символами, символами, задающими парадигму развития общества [5]. При этом замещению и слову подвергаются символические ряды, точнее символическое пространство цивилизации, общества, нации, подвергающихся агрессии [6, с. 182–194; 10, с. 47–58; 11, с. 166–171].

Средства ведения войны зависят от уровня развития общества и его материальной базы.

Сейчас эту войну, ведущуюся с помощью современной информационной базы, можно назвать концентриальной. Но эти войны велись с незапамятных времён. Их главным инструментом был символ. Поэтому в наших работах мы называем эти войны символическими [4, с. 194–214; 5, с. 351–363; 12, с. 137–144; 13, № 36, с. 28–29, № 37, с. 28; 14, с. 175–181; 15, с. 735–742; 16, с. 7; 17, с. 166–172; 18, с. 7; 19, с. 11; 20, с. 7; 21, с. 8].

Если в концентриальной войне непосредственным объектом разрушения является вся культура противника, то в символической войне таким объектом является символический капитал народа, нации, всей цивилизации, а также символическая власть правящей культурной элиты. В конечном счёте, в символической войне также ставится вопрос о разрушении цивилизации в целом, что приводит к гибели отдельных государств, серьёзному уменьшению их территории, перераспределению господства над природными ресурсами, уменьшению людских ресурсов разгромленных государств, расчленению больших государств на “суверенные” обломки, переводу побеждённых с глобального геополитического уровня на региональный и т.д.

Символическая война – это политика (часть политики), направленная на уничтожение символического капитала противника (о символическом капитале см. наши работы: [22–25]), на навязывание ему чуждых символических ценностей, на достижение над ним символической власти, которая обеспечит в дальнейшем власть экономическую и политическую. Политические цели символической войны такие же, как и войны традиционной – полное уничтожение противника [5, с. 358].

Так, западной цивилизации удалось победить и стереть с лица земли цивилизацию тюркских народов Дешт-и-Кипчак, чему ленинградец М. Аджиев (Мурад Аджи) посвятил целую книгу “Польнь половецкого поля” [26]. Кратко суть этой книги изложена в нашей статье “Запах полыни”, опубликованной в 1998 г. в крымскотатарской газете “Арекет” [27, с. 4].

В конце XX века западной цивилизации удалось нанести тяжелое поражение вот уже долгое время пытающейся встать на ноги славянской цивилизации. Носители этой цивилизации, федеративные славянские государства: СССР, Чехо-Словакия (бывшая до печальных событий 1968 г. унитарной Чехословакией) и Югославия – были уничтожены. Возникшие на их месте более 20 полноправных государств и ряд не всеми признанных государственных образований уже не представляют собой какого-либо цивилизационного единства. Выбитыми из этого единства оказались и старая “изменница славянской солидарности” Болгария, названная так за

участие в двух мировых войнах на стороне Германии, и Польша, давно считающая себя “европейской страной”. Борется с переменным успехом за евроатлантический выбор Украина. И только преследуемый в Сербии Воислав Шешель продолжает мечтать о единстве славян “от Ядрана до Япана” (от Адриатического до Японского моря).

Методы уничтожения и Дешт-и-Кипчак, и СССР поразительно совпадают. Совпал и результат применения символического оружия. “Из Великого степного народа в V веке покорившего Европу, теперь сделали маленькие “народики”... “забывая Родину, забывая гордость, что страшнее и что позорнее для мужчины...”. “Но “народики” в ущерб Истине придумывают себе прошлое, во сто крат страшнее и в тысячу раз позорнее. Они смирились со своим уничтожением, кандалы им больше не трут. Забыв древние святыне обряды, рисуют себе новые, очень сомнительного происхождения” [26, с. 14–15]. Эти слова можно отнести не только к народу в V веке покорившему Европу, но и к народу, в XIII веке спасшему Европу от монгольского нашествия, в XVIII веке спасшего ту же Европу от агрессии Фридриха Великого, в XIX веке спасшему мир от тирании Наполеона, а в XX веке – от фашистской чумы. В соответствии со ст. 107 Устава ООН результаты Второй мировой войны пересмотру не подлежат. Но кое-где их уже пересмотрели, и уже не Советская Армия брала Берлин, а ... Войско Польское (“Войско Польское Берлин брало, руске трохень помагало”, – поют “жолнежи Войска Польского”, а памятники советским солдатам-освободителям уничтожаются). Таковы на сегодняшний день результаты уже ведущейся в мире войны – войны символов, войны за символическую власть, которая оказывается сильнее и власти оружия, и даже власти денег [5, с. 353].

Результаты этой войны против СССР, ведшейся с применением самых новейших, концентриальных средств, поражают воображение. Юрий Крупнов отмечает, что без применения классического оружия и классических вооружённых сил

- огромные территории, присоединённые к России столетия назад, перестали ей принадлежать;

- природные ресурсы были серьёзным образом перераспределены;

- вдвое уменьшились людские ресурсы;

- Русь как историческое ядро российской государственности была искусственно расчленена на три “суверенные” обломка и три искусственные нации;

- как субъект геополитики Россия была вытеснена с мирового уровня на региональный [28].

Не всё, правда, у Юрия Крупнова бесспорно. Много учёных в Украине не считают, что ядром российской государственности была какая-то Русь. “Давньоруська народність – історичний міф” [29, с. 3], “Давньоруська народність – імперський міф” [29, с. 5], “...псевдонаукова побудова” [30, с. 11], “тенденційна псевдоісторична конструкція” [30, с. 60] и “неоімперська концепція” [31, с. 2]. Государство было не у русских, а у антов, а анты – в переводе с персидского языка – это “крайние”, то есть украинцы [32, с. 127]. Последнее показывает, что Киевская Русь уже исчезает из исторической памяти народов, как исчез существовавший в V веке “русский каганат”, хотя о нём писали и А. Н. Веселов

вский [33], и С. Н. Азбелев [34], и Л. Н. Гумилёв [35, с. 15–573], и В. П. Меженков [36]. И всё это можно назвать следствиями символической, концентриальной войны.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. На видимом горизонте развития человеческой истории уже маячат образы войн будущего.

2. В условиях, когда международное право ещё 28 сентября 1928 г. исключило войну как законный способ решения международных споров (Пакт Бриана – Келлога), разрабатываются планы ведения войн без применения классического оружия.

3. Не все образы войн будущего абсолютно новы – их прообразы просматриваются с незапамятных времен. Это относится, прежде всего, к символическим войнам.

4. К. Маркс был не прав, считая, что “оружие критики не может... заменить критики оружием” [37, с. 422]. Символические и концентриальные войны делают то, чего не могут сделать классические войны даже с применением оружия массового уничтожения.

5. Не совсем прав был материалист К. Маркс, полагая, что “материальная сила должна бить опрокинута материальной же силой” [37, с. 422]. Нематериальное символическое оружие уничтожило такие самые большие за всю историю человечества государства как Дешт–и–Кипчак и СССР.

6. Возможно, ошибался К. Маркс, переоценивая силу идей, силу теории. Ведь для того, чтобы идея “овладела массами”, без этого она “материальной силой” не станет, требуется очень много времени и усилий. Символы же действуют без особых раздумий и практически мгновенно.

7. Не спасла “самая передовая теория” СССР. Массы этой теорией не овладели при всей мощнейшей системе политического просвещения, а вот господству символов, пусть и ложных, подчинились без особых раздумий и как бы мгновенно. Но мгновению этому предшествовали десятилетия нематериальной символической войны, которую СССР, “гордясь общественным строем”, проглядел и проиграл, а вместе с ним проиграл и весь славянский мир “от Ядрана до Япана”.

8. Но при всём этом положение К. фон Клаузевица о войне как продолжении политики, о войне как части политики остаётся в силе, и никакие модные попытки его опровергнуть не имеют смысла.

Список использованных источников

1. Конышев В. Н., Сергунин А. А. Дискуссии о войнах будущего в российском экспертно-аналитическом сообществе: мифы и реальность / В. Н. Конышев, А. А. Сергунин // Проблемы национальной стратегии. – 2013. – № 4. – С. 100–114.
2. Кокошкин А. А., Веселое В. А., Лисс А. В. Сдерживание во втором ядерном веке / А. А. Кокошкин, В. А. Веселое, А. В. Лисс; РАН, Институт проблем международной безопасности. – М., 2001. – 69 с.
3. Greenberg L. T., Goodman S. E., Soo Hoo K. J. Information warfare and international law / Seymour E. Goodman, Kevin J. Soo Hoo, Lawrence T. Greenberg; Inst. for National Strategic Studies. – Washington: National Defense Univ. Press, 1998. – P. 93–95.
4. Масаев М. В. Философия истории. Учебно-методическое пособие / Министерство образования и науки Украины. Министерство образования и науки Автономной республики Крым. Республиканское высшее учебное заведение “Крымский гуманитарный университет” / М. В. Масаев. – Симферополь: Доля, 2008. – 304 с.
5. Масаев М. В. Curriculum vitae парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций. Монография / М. В. Масаев. –

Симферополь: Доля, 2011. – 512 с.

6. Масаев Михайло Володимирович. Парадигмальні образи і символи у трансформаційних процесах епох і цивілізацій (філософсько-історичний аналіз): автореф. дис. ... док. філос. наук. – Дніпропетровськ, 2013. – 36 с.

7. Попов И. Военная мысль в современной России / Игорь Попов // Войны будущего: интернет сайт. 2007. URL: <http://futurewarfare.narod.ru/theoryRF.html>

8. Гареев М. Отстаивая национальные интересы. Обеспечение безопасности России требует более рационального использования военных и невоенных средств / Махмуд Гареев // Военно-промышленный курьер. – 2005. – 21–27 декабря. – № 48. – С. 11.

9. Потехин В. К. Современные войны и национальная безопасность России / В. К. Потехин // Кому будет принадлежать концентриальное оружие в XXI веке?: спец. вып. Альманаха “Россия–2010” / под ред. Ю. В. Крупнова. – М., 1997. – С. 69–87.

10. Масаев М. В. Семисфера исторического как особого языка постижения уроков Клио / М. В. Масаев // Язык как инструмент познания и зеркало эпохи: материалы международной научно-практической конференции “V Кирилло–Мефодиевские чтения” (КГМУ им. С. И. Георгиевского) 24–25 мая 2012 г. – Симферополь: Дом Писателей им. Домбровского, 2012. – 212 с.

11. Масаев М. В. Кто внедряет в сознание людей нужные власти образы жизни и поведения? (философско-исторический, политический и социально-психологический анализ в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов) / М. В. Масаев // Материалы IV Международной научно-теоретической конференции “Социально-политические и культурные проблемы современности”. – Симферополь: ДИАИ-ПИ, 2012. – 320 с.

12. Масаев М. В. Катынское дело как эпизод символической войны против СССР, русского народа и всего славянского мира (философско-исторические аспекты в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций) // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 152. – С. 137–144.

13. Масаев М. В. Автор “Слова о полку Игореве” известен // Тамбовский курьер. – 2010. – № 36. – 7 сентября. – С. 28–29; № 37. – 14 сентября. – С. 28.

14. Масаев М. В. Символическая война западной цивилизации против России и всего славянского мира и постсоветского пространства (в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов) // Культура народов Причерноморья. – 2010. – № 180. – С. 175–181.

15. Масаев М. В. Що робити історикам: виховувати, створюючи символи, в ім'я найвищої ідеї або сповідувати безсторонню правду? Перший в Україні навчальний посібник про історичну свідомість студентської молоді. Рецензія на навчальний посібник: Вашкевич В. М. Історична свідомість студентської молоді: ціннісно-світоглядні орієнтири. навч. посібник для вищ. навч. закл. – К.: Світогляд, 2010. – 274 с. / М. В. Масаев // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць / гол. ред. В. М. Вашкевич. – К.: ВІР УАН, 2013. – Вип. 68 (№ 1). – 934 с.

16. Масаев М. В. Борьба вокруг “Слова о полку Игореве” продолжается / М. В. Масаев // Наш голос. – 2013. – № 11 (805). – 14 марта. – С. 7.

17. Масаев М. В. Трактровка западной историографией битвы на Католаунских полях как эпизод символической войны против Дешт–и–Кипчак (философско-исторические аспекты в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов) / М. В. Масаев // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 173. – С. 166–172.

18. Масаев М. В. Символическая война против России как подготовка к её военному уничтожению // Наш голос. – 2011. – № 45 (735). – 10 ноября. – С. 7.

19. Масаев Михайло. Невизнаний чи невідомий? // Кримська світлиця. – 2012. – № 28 (1705). – 13 липня. – С. 11.

20. Масаев М. В. Острая стратегическая недостаточность или как охота на призрака вождя сделала призраком всю страну / М. В. Масаев // Наш голос. – 2012. – № 34 (776). – 23 августа. – С. 7.

21. Масаев М. В. Пришло время “собрать камни” по “катынскому делу” (к постановлению Тверского суда Москвы от 21 декабря 2012 г.) / М. В. Масаев // Наш голос. – 2013. – № 19 (813). – 9 мая. – С. 8.

22. Масаев М. В. Интеллигенция как хранительница символического капитала и носительница символической власти (Тезисы докладов международной научной конференции “Интеллигенция, её роль в поиске гражданского согласия в условиях общества переходного периода”, Симферополь, 23–26 мая 2008 года)

// Культура народов Причерноморья. – 2008. – № 134. – С. 31–32.

23. Масаев М. В. Символический капитал как категория философии истории // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2008. – Т. 21 (60). – № 1. – Сер. “Философия. Социология”. – С. 190–199.

24. Масаев М. В. Интеллигенция как хранительница символического капитала // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2008. – Т. 21 (60). – № 3. – Сер. “Философия. Социология”. – С. 58–63.

25. Масаев М. В. Интеллигенция как субъект символического капитала (философско-исторический аспект) // Культура народов Причерноморья. – 2008. – № 144. – С. 116–118.

26. Аджи Мурад. Польнь половецкого поля. – М.: ТОО “ПИК-КОНТЕКСТ”, 1994. – 352 с.

27. Масаев М., Масаев В. Запах Польни // Аркет. – 1998. – № 5 (70). – С. 4.

28. Крупнов Ю. Как Россия сможет предотвратить пятую мировую войну // Юрий Крупнов: интернет-сайт. 2005.9 февраля. URL: <http://www.krupnov.ru/pubs/2005/02/09/10403>

29. Залізник Леонід. Давньоруська народність: імперський міф чи історична реальність // Пам'ять століть. – 1996. – № 2.

30. Залізник Леонід. Проблема україногенезу: чи застаріло застаріло // Вісник НАН України. – 1999. – № 7.

31. Залізник Леонід. Де, як і коли виникла давньоруська народність (До 50-річчя проблеми) // Пам'ять століть. – 1998. – № 6.

32. Любичев М. В., Баран В. Д. Давні слов'яни. Україна крізь віки. – К.: Видавничий дім “Альтернативи”, 1998. – Т. 3. – 335 с. // УІЖ. – 2002. – № 6. – С. 123–128.

33. Веселовский А. Н. Уголок русского эпоса в саге о Дитрихе Бернском // Журнал Министерства народного просвещения. – 1896. – № 8. – С. 235–277.

34. Азбелев Н. С. Новгородский эпос о предыстории Новгородской земли // Новгородский исторический сборник. – 2008. – № 11 (21). – Российская Академия наук. Санкт-Петербургский институт истории. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. – Издательство “Дмитрий Буланик”. – С.–Петербург, 2008. – 394 с.

35. Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь // Гумилёв Л. Н. История Древней Руси во взаимодействии народов Евразии. – АСТ: Москва, 2008. – 944 с.

36. Меженков В. П. Русские: истоки, психология, судьба. – М.: Русская книга, 2003. – 696 с.

37. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. – Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – Т. 1.

38. Палагута В. И. Самоидентификация социального субъекта в дискурсивных пространствах. Монография. – Днепропетровск: “Инновация”, 2010. – 440 с.

References

1. Konyshev V. N. Diskussii o vojnah budushhego v rossijskom jekspertno-analiticheskom soobshhestve: mify i real'nost' / V. N. Konyshev, A. A. Sergunin // Problemy nacional'noj strategii. – 2013. – № 4. – С. 100–114.

2. Kokoshkin A. A. Sderzhivanie vo vtorom jadernom veke / A. A. Kokoshkin, V. A. Veseloe, A. V. Liss; RAN, Institut problem mezhdunarodnoj bezopasnosti. – M., 2001. – 69 s.

3. Greenberg L. T. Information warfare and international law / Seymour E. Goodman, Kevin J. Soo Hoo, Lawrence T. Greenberg; Inst. for National Strategic Studies. – Washington: National Defense Univ. Press, 1998. – P. 93–95.

4. Maseev M. V. Filosofija istorii. Uchebno-metodicheskoe posobie / Ministerstvo obrazovaniya i nauki Ukrainy. Ministerstvo obrazovaniya i nauki Avtonomnoj respubliky Krym. Respublikanskoe vysshee uchebnoe zavedenie “Krymskij gumanitarnyj universitet” / M. V. Maseev. – Simferopol': Dolja, 2008. – 304 s.

5. Maseev M. V. Curriculum vitae paradigmalyh obrazov i simvolov jepoh i civilizacij. Monografija / M. V. Maseev. – Simferopol': Dolja, 2011. – 512 s.

6. Masajev Myhajlo Volodymyrovych. Paradygmal'ni obrazy i symvoly u transformacijnyh procesah epoh i cyvilizacij (filosofsko-istorychnyj analiz). Avtoref. dys. ... dok. filos. nauk. – Dnipropetrovs'k, 2013. – 36 s.

7. Popov I. Voennaja mysl' v sovremennoj Rossii / Igor' Popov // Vojny budushhego: internet sajt. 2007. URL: <http://futurewarfare.narod.ru/theoryRF.html>

8. Gareev M. Otstajivaja nacional'nye interesy. Obespechenie bezopasnosti Rossii trebuuet bolee racional'nogo ispol'zovanija voennyh i nevoennyh sredstv / Mahmud Gareev // Voennno-

promyshlennyj kur'er. – 2005. – 21–27 dekabrja. – № 48. – S. 11.

9. Potehin V. K. Sovremennye vojny i nacional'naja bezopasnost' Rossi / V. K. Potehin // Komu budet prinaldlezhat' konceptual'noe oruzhie v XXI veke?: spec. vyp. Al'manaha “Rossija–2010” / Pod red. Ju. V. Krupnova. – M., 1997. – S. 69–87.

10. Maseev M. V. Semiosfera istoricheskogo kak osobogo jazyka postizhenija urokov Klio / M. V. Maseev // Jazyk kak instrument poznaniya i zerkalo jepohi: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii “V Kirillo-Mefodievskie chtenija” (KGMU im. S. I. Georgievskogo) 24–25 maja 2012 g. – Simferopol': Dom Pisatelej im. Dombrovskogo, 2012. – 212 s.

11. Maseev M. V. Kto vnedrjaet v soznanie ljudej nuzhnye vlasti obrazy zhizni i povedeniya? (filosofsko-istoricheskij, politicheskij i social'no-psihologicheskij analiz v svete koncepcii paradigmalyh obrazov i simvolov jepoh, civilizacij i narodov) / M. V. Maseev // Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii “Social'no-politicheskie i kul'turnye problemy sovremennosti”. – Simferopol': DIAJPI, 2012. – 320 s.

12. Maseev M. V. Katynskoe delo kak jepizod simvolicheskoy vojny protiv SSSR, russkogo naroda i vsego slavjanskogo mira (filosofsko-istoricheskie aspekty v svete koncepcii paradigmalyh obrazov i simvolov jepoh i civilizacij // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2009. – № 152. – S. 137–144.

13. Maseev M. V. Avtor “Slova o polku Igoreve” izvesten // Tambovskij kur'er. – 2010. – № 36. – 7 sentjabrja. – S. 28–29; № 37. – 14 sentjabrja. – S. 28.

14. Maseev M. V. Simvolicheskaja vojna zapadnoj civilizaciji protiv Rossii i vsego slavjanskogo mira i postsovetskogo prostranstva (v svete koncepcii paradigmalyh obrazov i simvolov jepoh, civilizacij i narodov) // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2010. – № 180. – S. 175–181.

15. Masajev M. V. Shho robyty istorykam: vyhovuvaty, stvorjujuchy symvoly, v im'ja najvyshhoi' idei' abo spoviduvaty bezstoronnju pravdu? Pershyj v Ukraini navchal'nyj posibnyk pro istorychnu svidomist' students'koi' molodi. Recenzija na navchal'nyj posibnyk: Vashkevych V. M. Istorychna svidomist' students'koi' molodi: cinnisno-svitogljadni orijentiry. navch. posibnyk dlja vyssh. navch. zakl. – K.: Svitogljad, 2010. – 274 s. / M. V. Masajev // Gileja: naukovyj visnyk. Zbirnyk naukovyh prac' / Gol. red. V. M. Vashkevych. – K.: VIR UAN, 2013. – Vyp. 68 (№ 1). – 934 s.

16. Maseev M. V. Bor'ba vokrug “Slova o polku Igoreve” prodolzhaetsja / M. V. Maseev // Nash golos. – 2013. – № 11 (805). – 14 marta. – S. 7.

17. Maseev M. V. Traktovka zapadnoj istoriografijej bitvy na Katalaunskih poljah kak jepizod simvolicheskoy vojny protiv Desht-i-Kipchak (filosofsko-istoricheskie aspekty v svete koncepcii paradigmalyh obrazov i simvolov jepoh, civilizacij i narodov) / M. V. Maseev // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2009. – № 173. – S. 166–172.

18. Maseev M. V. Simvolicheskaja vojna protiv Rossii kak podgotovka k ejo voennomu unichtozheniju // Nash golos. – 2011. – № 45 (735). – 10 nojabrja. – S. 7.

19. Masajev Myhajlo. Nevyznanyj chy nevidomyj? // Kryms'ka svitlycja. – 2012. – № 28 (1705). – 13 lypnja. – S. 11.

20. Maseev M. V. Ostraja strategicheskaja nedostatochnost' ili kak ohota na prizrak vozhdja sdelala prizrakom vsju stranu / M. V. Maseev // Nash golos. – 2012. – № 34 (776). – 23 avgusta. – S. 7.

21. Maseev M. V. Prishlo vremja “sobirat' kamni” po “katynskomu delu” (k postanovleniju Tverskogo suda Moskvy ot 21 dekabrja 2012 g.) / M. V. Maseev // Nash golos. – 2013. – № 19 (813). – 9 maja. – S. 8.

22. Maseev M. V. Intelligencija kak hranitel'nica simvolicheskogo kapitala i nositel'nica simvolicheskoy vlasti (Tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii “Intelligencija, ejo rol' v poiske grazhdanskogo soglasija v uslovijah obshhestva perehodnogo perioda”, Simferopol', 23–26 maja 2008 goda) // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2008. – № 134. – S. 31–32.

23. Maseev M. V. Simvolicheskij kapital kak kategorija filosofii istorii // Uchjonye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. – 2008. – Т. 21 (60). – № 1. – Ser. “Filosofija. Sociologija”. – S. 190–199.

24. Maseev M. V. Intelligencija kak hranitel'nica simvolicheskogo kapitala // Uchjonye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. – 2008. – Т. 21 (60). – № 3. – Ser. “Filosofija. Sociologija”. – S. 58–63.

25. Maseev M. V. Intelligencija kak sub#ekt simvolicheskogo kapitala (filosofsko-istoricheskij aspekt) // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2008. – № 144. – S. 116–118.

26. Adzhi Murad. Polyn' poloveckogo polja. – М.: ТОО “ПИК-

KONTEKST", 1994. – 352 s.

27. Masaev M., Masaev V. Zapah Polyni // Areket. – 1998. – № 5 (70). – S.4.

28. Krupnov Ju. Kak Rossija smozhet predotvratit' p'jatuju mirovuju vojnu // Jurij Krupnov: internet–sajt. 2005.9 fevralja. URL: <http://www.krupnov.ru/pubs/2005/02/09/10403>

29. Zaliznjak Leonid. Davn'orus'ka narodnist': impers'kij mif chy istorychna real'nist' // Pam'jat' stolit'. – 1996. – № 2.

30. Zaliznjak Leonid. Problema ukrai'nogenezy: chy zastarilo zastarile // Visnyk NAN Ukrai'ny. – 1999. – № 7.

31. Zaliznjak Leonid. De, jak i koly vynykla davn'orus'ka narodnist' (Do 50–richchja problemy) // Pam'jat' stolit'. – 1998. – № 6.

32. Ljubychev M. V., Baran V. D. Davni slov'jany. Ukrai'na kriz' viky. – K.: Vydavnychyj dim "AI'ternatyvy", 1998. – T.3. – 335 s. // UIZh. – 2002. – № 6. – S. 123–128.

33. Veselovskij A.N. Ugolok russkogo jeposa v sage o Ditrihe Bernskom // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. – 1896. – № 8. – S.235–277.

34. Azbelev N. S. Novgorodskij jepos o predystorii Novgorodskoj zemli // Novgorodskij istoricheskij sbornik. – 2008. – № 11 (21). – Rossijskaja Akademiya nauk. Sankt–Peterburgskij institut istorii. Novgorodskij gosudarstvennyj ob#edinennyj muzej–zapovednik. – Izdatel'stvo "Dmitrij Bulanik". S.– Peterburg, 2008. – 394 s.

35. Gumil'ov L. N. Drevnjaja Rus' i Velikaja Step' // Gumil'ov L.N. Istorija Drevnej Rusi vo vzaimodejstvii narodov Evrazii. – AST: Moskva, 2008. – 944 s.

36. Mezhenkov V. P. Russkie: istoki, psihologija, sud'ba. – M.: Russkaja kniga, 2003. – 696 s.

37. Marks K. K. Kritike gegelevskoj filosofii prava. Vvedenie. – Marks K., Jengel's F. – Soch. – T. 1.

38. Palaguta V. I. Samoidentifikacija social'nogo sub#ekta v diskursivnyh prostranstvah. Monografija. – Dnepropetrovsk: "Innovacija", 2010. – 440 s.

Masaev M. V., kandidat istoricheskikh nauk, docent, zavduvach laboratorije fakul'tetu sociokul'turnoj dijal'nosti ta muzychnogo mystecstva, RVNZ "Krim'skij univ'ersitet kul'tury, mystecstva i turizmu" (Ukrai'na, Simferopol'), mikhail-masaev@yandex.ru

Образы войн майбутнього: “заколот–війни”, дистанційні (безконтактні) війни, кібервійни, консцієнтальні та символічні війни (у світлі концепції парадигмальних образів та символів епох і цивілізацій)

Розглядаються у світлі концепції парадигмальних образів та символів епох і цивілізацій образи війн майбутнього: “заколот–війни”, дистанційні (безконтактні) війни, кібервійни, консцієнтальні та символічні війни. Мета та актуальність цієї статті визначається тим, що в умовах, коли міжнародне право 28 вересня 1928 р. виключило війну як спосіб вирішення міжнародних протиріч (Пакт Бріана – Келлога), і це положення використовується все частіше у міжнародній практиці, розробляються плани ведення війн без застосування класичних типів озброєння. Об'єктом дослідження є війни. Предметом дослідження є майбутні війни: “заколот–війни”, дистанційні (безконтактні) війни, кібервійни, консцієнтальні та символічні війни. Автор критикує нетрадиційний (“новаторський”) підхід до проблеми, котра ставить під сумнів концепцію війни К. фон Клаузевіца. Автор стверджує, що навіть у нових умовах положення К. Клаузевіца про війну як продовження політики, про війну як частину політики залишається у силі, і жодні моєні спроби його спростування не мають сенсу. Стаття звертає увагу, що не всі образи війн майбутнього є абсолютно новими – їхні прообрази простежуються з незапам'ятних часів. Це стосується перш за все символічних війн.

Ключові слова: образ, символ, війни майбутнього – “заколот–війни”, дистанційні (безконтактні) війни, кібервійни, консцієнтальні та символічні війни.

Masaev M. V., Candidate of Historical Sciences, Ass. Prof., Head of Laboratory of the Faculty of Sociocultural Activity and Musical Art of Crimean University of Culture, Arts and Tourism (Ukraine, Simferopol'), mikhail-masaev@yandex.ru

Images of the future wars: “riot–wars”, distant (non–contact) wars, cyber–wars, consciential and symbolic wars (in the light of conception of paradigmal images and symbols of epochs and civilizations)

In the article in the light of conception of paradigmal images and symbols of epochs and civilizations are considered the images of the future wars: “riot–wars”, distant (non–contact) wars, cyber–wars, consciential and symbolic wars. The aim and topicality of this article is determined by the fact that in the conditions when international law 28 September 1928 excluded war as a way of resolution of international controversies (Brian Kellogg Pact), and this provision is used more often in the international practices, the plans of wars waging without using of classical types of weapons are elaborated. The object of investigation is wars. The subject of investigation are the images of the future wars: “riot–wars”, distant (non–contact) wars, cyber–wars, consciential and symbolic wars. The author criticizes non–traditional (“innovatory”) approach that call in question K. fon Clausewitz's

conception of the war. The author asserts that even in the new conditions K. fon Clausewitz's statement about the war as continuation of policy, about the war as a part of policy remains valid, and no one fashionable attempts of its refutation have no sense. The article pays attention to the fact that not all images of the future wars are absolutely new – their prototypes are retraced from the times immemorial. It concerns first of all to symbolic wars.

Keywords: image, symbol, future wars – “riot–wars”, distant (non–contact) wars, cyber–wars, consciential and symbolic wars.

* * *

УДК 123.1

Матвєєв В. О.

доктор філософських наук, доцент, завідувач кафедри фундаментальних та соціально–гуманітарних дисциплін, ПВНЗ Університет новітніх технологій (Україна, Київ), Vitaliyamatveev@mail.ru

ФЕНОМЕН ЮРОДСТВА В АСПЕКТІ ПОРІВНЯННЯ ЗІ СХІДНИМИ ДУХОВНИМИ ПРАКТИКАМИ

Розглядається феномен юродства, котрий являється найбільш притаманним російській середньовічній культурі. Аналізуються основні риси юродства. Досліджуються витоки юродства в Старому і Новому Заповіті. Автор статті намагається розглянути юродство в якості своєрідної психопрактики і порівнює його зі східними психопрактиками. Робиться висновок про те, що, як східна психотехніка, так і в певній мірі юродство дозволяють перебудувати структури несвідомого для розвитку інтуїції, більш ефективної обробки інформації та досягнення єдності з оточуючим світом.

Ключові слова: юродивість, епатажність, кеносис, аскетизм, показна безумство, середньовічна культура, східні психопрактики, даосизм, чань–буддизм.

Юродство як феномен релігійного подвижництва, є найбільш притаманним руській середньовічній культурі, хоча воно вже мало певну, хоч і незначну, популярність у Візантії. Деякі прояви подібного явища можна було спостерігати навіть ще в більш ранні часи, наприклад, в період Античності. Описання феномену юродства можна побачити в Старому Завіті. Юродствували й деякі дохристиянські пророки. Ісайя, наприклад, ходив нагим і босим на протязі трьох років, передбачаючи майбутній полон єгиптян (Іс. 20, 2–3); Іезекіль лежав перед цеглиною, що, очевидно, повинно було означати Іерусалим в облозі, і їв хліб, спечений на людських екскрементах (Іез. 4); Осія символізував своїм шлюбом з блудницею невірність Ізраїля своєму Богу (Ос. 3).

В словнику Даля юродивий визначається як “безумний, божевільний, дурник, від роду божевільний; народ вважає юродивих Божими людьми, знаходячи нерідко в несвідомих вчинках їх глибокий сенс, навіть передчуття або передбачення; церква ж визнає і юродивих Христа ради, що прийняли на себе смиренну личину юродства; але в церковному значенні” [1].

Як вказує російській культуролог С. А. Іванов: “Юродивим називають людину, яка з благочестивих спонукань симулює безумство або епатує оточуючих іншими засобами. Православна церква притримується тієї думки, що юродивий приймає на себе личину безумства, щоб приховати від світу свою досконалість і таким чином уникнути суєтної мирської слави. Іншим спонукальним мотивом юродства вона вважає духовну настанову в жартівливій і парадоксальній формі [2, с. 4]. Як бачимо, науковець С. А. Іванов намагається дати більш об'єктивне, толерантне і більш глибоке тлумачення цього терміну, ніж це робить Даль, який пояснює цей термін більш з позицій світського дослідника, який дещо поблажливо ставиться до релігії та народних забобонів, не приймаючи їх всерйоз.